

строк: «Она, любовь, с тобой у нас / Не распускалась розою, / Акацией не брызгала, / Сиренью не цвела. / Она шла рядом с самою / Обыкновенной прозою, / Она в курносом чайнике / Гнездо свое свила».

В нояб. 1932 Ч. неожиданно призывают в армию, но из-за плохого зрения он получает освобождение от службы. В ожидании поезда при возвращении в Уфу Ч. пишет одно из лучших своих произведений — лирическую поэму «**Размышления на станции Карталы**»: «Я знаю: я нужен степи до зарезу. / Здесь идут пятилетки года. / И если в поезд сейчас я влезу, / Что же со степью будет тогда? / <...> У меня никогда не хватит духу — / Ни сердце, ни совесть мне не велят — / Покинуть степь, гурты, Гнедуху. / И голубые глаза телят». В Уфе Ч. получает назначение в Инякский совхоз, находящийся в горной части республики: «Среди снежинок шелковых, / В нагроможденные скалы, / Я только здесь нашел себе, / Чего всю жизнь искал...» Трудности работы в совхозе, острые материальные затруднения Ч. по-прежнему не пугают. Здесь он даже стал издавать рукописный ж. «Буран». Однако семья его распадается: женщина, которую Ч. любил, покидает его. На следующий день после ее отъезда Ч. не стало. Его нашли мертвым при переезде через р. Большая Сурень. Телега, на которой он ехал, оказалась перевернутой. Обстоятельства его смерти остались невыясненными. Похоронили Ч. на окраине с. Исянгулово под одиноко растущей березой. Позднее у переезда через Большую Сурень поставлен был обелиск, а в селе воздвигнут бронзовый бюст поэта.

Только через двадцать с лишним лет после его смерти в ж. «Новый мир» (1956. № 1), на страницах газет и книг появилось никому не известное имя Ч. В лит-ру пришел новый поэт. Все им написанное пронизано чистотой, оптимизмом и свежестью; о стихах Ч. высоко отзывались К. Федин, Б. Агапов, Д. Олдридж. В поэзии Ч. привлекают цельное, жизнеутверждающее мировоззрение, лирический романтизм, высокая тема любви: «...расширьте глаза! Поднимите бровь! / Здесь написано про любовь!» В творчестве и лирике Ч. речь идет не только о любви к женщине, но и о любви к жизни, искусству, мечте, познанию, к Человеку, к вечным эстетическим ценностям бытия: «Всеми — даже нам с тобою — / Придет черед умереть. / И только красивой песне / Дано без конца звенеть».

Соч.: Избранная лирика / сост. С. Наровчатова. М., 1964; Стихи, письма, дневники / предисл., подгот. текста и сост. С. Ильичевой. М., 1968; Письма из Воронежа /

комм. М. Лукониной // Из дневников современников: сб. 2. М., 1969; Уральская весна: стихи, письма дневники / лит. композиция и подгот. текста С. Ильичевой. Уфа, 1979; Штурмовой квартал: Избранные письма, отрывки из дневников, стихи. Челябинск, 1980; Кубанев В. М., Чекмарев С. И. Стихи, дневники, письма. М., 1981; Размышления на станции Карталы: стихи // Время вперед!: сб. М., 1986.

Лит.: Огнев В. Ф. Поэзия и современность: сб. статей. М., 1961; Луконин М. К. Сергей Чекмарев: Жизнь, ставшая поэзией // Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1963; Наровчатова С. Поэзия в движении: статьи. М., 1965; Панкин Б. Д. «Я полным человеком хочу быть...» // Панкин Б. Д. Время и слово: очерки. М. 1976; Ильичева С. И. В будущее устремленный // Чекмарев С. Была весна... Стихи, письма, дневники. М., 1978; Абдуллин А. Х. «Не забывая меня, солнце». Челябинск, 1988.

В. С. Федоров

ЧЕРВИНСКАЯ Лидия Давыдовна [1907 — 16.7.1988, Монморенси, Бельгия] — поэтесса.

О биографии Ч. сохранилось очень мало сведений. Во время Гражданской войны ее семья перебирается из России в Константинополь. Оттуда в 1922 Ч. переезжает в Париж, где связывает свою судьбу с беспорядочной жизнью монпарнасской богемы.

Во время войны Ч., судя по смутным свидетельствам в мемуарах и письмах современников, была связана с французским Сопротивлением, но в 1945 угодила в тюрьму по обвинению в предательстве и коллаборационизме: «Червинской поручили ответственное задание, посвятили в секрет, от которого за-

Л. Д. Червинская

висела жизнь двух десятков детей. Тут вся ошибка не ее, а тех — вождей, руководителей! Поручать, в то время, Червинской ответственные, практические задания — явное безумие!» (Яновский В.— С. 395).

После освобождения Ч. жила в Париже и в Мюнхене, где ее устроили на радио «Свобода»; умерла под Парижем в доме престарелых. Архив ее был вывезен в США американским литературоведом Джоном Мальмстедом.

Поэтическое сознание Ч. в равной степени сформировалось под воздействием неповторимой духовно-эмоциональной атмосферы, царящей на русском Монпарнасе, и эстетических воззрений Г. Адамовича, провозгласившего «первенство интимной дневниковой поэзии над хорошо сделанными произведениями поэтического искусства» (Струве Г.— С. 220) и призывавшего молодых поэтов отказаться от «литературщины» и «бездарной погони за обновлением формы». Как считал Ю. Иваск, «Червинской удалось очень верно передать в стихах атмосферу и „жаргон“ русского Монпарнаса тридцатых годов. Ее поэзию можно также воспринимать как комментарии к статьям Адамовича» (Опыты. 1957. № 8. С. 137).

В лирике Ч. узнаваемы родовые черты инспирированной Адамовичем «парижской ноты»: нарочитый аскетизм худож.-выразительных средств, значимое отсутствие стилистических украшений и метрических вольностей, довольно узкий эмоционально-тематический диапазон. Благодаря подчеркнутой бедности словаря, смысловой недоговоренности поэтической фразы, обилию «оборванных» строк и, главное, приглушенным разговорным интонациям, лирические произведения Ч. создают впечатление дневниковых записей, «случайно» принявших стихотворную форму. Эффект лирической взволнованности, формальной «небрежности» и непосредственности поэтического самовыражения, характерный для мн. стих. поэтессы, искусно достигается с помощью широкого употребления вводных предложений, риторических вопросов, неопределенных обращений, эллипсисов.

В то же время, как отмечал Ю. Терапиано, в своих стихах Ч. «очень точна и сдержанна в выборе, в чувстве слова; ее небрежные, на первый взгляд почти лишённые стихотворных признаков строки, оказываются, по проверке — наиболее точно передающими то, что она хочет сказать. Червинская очень чувствует все оттенки слова — и разнообразнейшая интонация, убедительная и доходящая в нужный момент до читателя — ее ценное от-

крытие <...> Ее лиризм, сдержанный, грустный, какой-то просветленный, вполне избегает поэзы, декламации, перегруженности метафорами...» (Терапиано Ю. О новых книгах стихов // Круг. 1937. Кн. 2. С. 163).

В первом лирическом сб. Ч. **«Приближения»** (Париж, 1934), посвященном ее первому мужу, поэту Л. И. Кельберину (1907–89), господствуют мотивы одиночества, отчуждения, душевной опустошенности, неверия в разумность и благодать существующего миропорядка, которое, однако, уживается с полусознанным стремлением постичь некую абсолютную сущность бытия — «То, что около слез. / То, что около слов. / То, что между любовью и страхом конца. / То, что всеми с таким равнодушьем гонимо, / И что прячется в смутной правдивости снов, / Исчезает в знакомом овале лица / И мелькает во взгляде — намеренно мимо...» (**«То, что около слез...»**). В сочетании с такой традиционной тематической доминантой женской поэзии, как несчастная любовь, эти мотивы и настроения определили своеобразие поэтического мира Ч., сумевшей, по мнению рецензентов, избежать ученического подражания кому бы то ни было и обрести свой неповторимый лирический голос.

Тем не менее «Приближения», так же как и следующая поэтическая книга Ч. **«Рассветы»** (Париж, 1937), получили противоречивые отзывы в эмигрантской прессе, вызвав полемику между адептами «парижской ноты» и ее принципиальными противниками. Г. Адамович, при всех оговорках, ставил Ч. очень высоко и указывал на то, «она вообще — прямая и едва ли не единственная преемница Ахматовой в нашей литературе» (Последние новости. 1937. 17 июня); «Червинская продолжает именно ее линию, она именно ее литературная наследница. Были в эти годы поэтессы не менее даровитые, но <...> ахматовскую тему „любви и одиночества“ подхватила только Червинская, по-новому, до неузнаваемости переработав ее. <...> Поэтический метод совсем иной. <...> Это почти не поэзия, с обычной точки зрения. Ни образов, ни метафор, ни звонких оригинальных рифм. Но именно отвращение ко всякой мишуре, словесной или эмоциональной, и делает эти бедные строки правдиво-поэтическими» (Последние новости. 1939. 19 января). Вечный оппонент Адамовича В. Ходасевич, напротив, упрекал Ч. в гипертрофированном «интимизме», в том, что «ее поэзия имеет тенденцию развиваться в сторону документа, „человеческого документа“, то есть в действительности не развиваться, а напротив то-

го — деградировать, вырождаться» (Возрождение. 1937. 11 июня).

Помимо стихов, Ч. публикует (главным образом в ж. «Числа») критические статьи и лит.-философские этюды, из которых наибольший интерес представляет эссе «**Мы**» — в нем поэта эссе раскрывает сокровенные черты своего внутреннего мира: «Мое сознание — это ощущение низко-низко висящего над головой неба, сквозь которое нельзя прорваться. <...> Красота для меня приводит к беспокойству, движению, даже разрушению. Люблю цветы, срезаемые в вазе. <...> Но не могу на них долго смотреть. Нестерпимо желание переставить вазу, повернуть головку на стебле. Потом — почти неудержимо — смять, сломать, разбить...» (Числа. 1934. № 10. С. 218).

В послевоенный период Ч. продолжала писать стихи, изредка публикуя их в эмигрантских ж. («Новоселье», «Грани»). В 1956, при содействии С. К. Маковского, выходит ее третий лирический сб. «**Двенадцать месяцев**» (Париж). Как в предыдущих поэтических книгах, в нем с беспощадной правдивостью выражено трагическое мироощущение человека, который отчаянно пытается найти хоть какую-нибудь точку опоры в пошатнувшемся здании бытия и видит единственное оправдание своего существования в самоотверженной, бескорыстной любви и творчестве — в «одиноким подвиге созерцанья» смертельно больного, обреченного, но все же чарующе прекрасного мира.

Соч.: Приближения. Париж, 1934; Рассветы. Париж, 1937; Двенадцать месяцев. Париж, 1956; Стихи // Мы жили тогда на планете другой... Антология. М., 1994; Стихи // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 518–520.

Лит.: Адамович Г. [Рец.: «Приближения»] // Последние новости. 1934. 29 марта; Оцуп Н. [Рец.: «Приближения»] // Числа. 1934. № 10. С. 285–287; Терапиано Ю. [Рец.: «Приближения»] // Меч. 1934. № 5. С. 15; Ходасевич В. Кризис поэзии // Возрождение. 1934. 12 апр.; Бем А. Поэзия Л. Червинской // Меч. 1938. № 17; Померанцев К. Одиночество и любовь // Возрождение. 1956. № 59. С. 140–142; Терапиано Ю. [Рец.: «Двенадцать месяцев»] // Новое русское слово. 1956. 12 авг.; Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 332–334; Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 591–596; Яновский В. СС: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 390–395.

Н. Г. Мельников

ЧЕРКАШИН Геннадий Александрович [13.9.1936, Севастополь — 21.6.1996, Санкт-Петербург; похоронен в Севастополе] — прозаик.

Отец Ч., Александр Федорович Черкашин, окончил Севастопольское зенитное училище и заведовал военной кафедрой Донецкого индустриального ин-та. Мать, Ольга Лукьяновна, работала в типографии. Родители отца были зажиточными крестьянами, сумели всем детям дать образование. Их предки в давние времена переселились из Курской губ. на Украину, а оттуда — в Севастополь. О предках со стороны матери известно, что ее отец Лука Осипов (Осифиди) был наполовину греком. Он учился вместе с сыном лейтенанта Петра Шмидта Евгением, дружил с ним. После революции был комиссаром г. Николаева. Рано умер. Бабушка — Фекла Васильевна Новацкая. Семейная легенда хранила память об основателе рода Каленнике, который был родом из мест, описанных Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Он бежал от пана за Днепр, где жили казаки. Там «новенькому» писарь дал фамилию Новацкий. Появление прапрадеда в Севастополе связано со строительными работами, которые начал в городе адмирал Лазарев. Прапрабабушка Меланья во время Крымской войны ходила на бастионы — и на Первый, и на Малахов курган, носила воду, ухаживала за ранеными. В следующем поколении — у прапрадеда и прабабки Ч. — было 5 сыновей и 3 дочери. Жили они в Аполлоновой бухте.

Отец Ч. вскоре после начала войны в авг. 1941 погиб под Киевом. 5-летний Геннадий с матерью и братом оказался в эвакуации в сибирском г. Прокопьевске; бабушка осталась в осажденном Севастополе, куда вскоре после снятия осады вернулся Ч. с матерью и братом. Жизнь их в разрушенном городе описана в первой книге Ч. — «**Вкус медной проволоки**» (1969).

В 1954 после окончания 5-й севастопольской школы он поступил на физический ф-т Ленинградского ун-та; его жизнь этого времени связана с городом, ставшим для него второй родиной. В 1959 он окончил ЛГУ, в том же году женился на Валентине Болесловне Лазуркиной, аспирантке биолого-почвенного ф-та ЛГУ.

После окончания ун-та работал инженером в а/я 155, а с 1966 — науч. сотрудником Агрофизического ин-та; в 1967 защитив канд. дис., стал старшим науч. сотрудником, заместителем заведующего лабораторией. Однако через несколько лет ушел из ин-та, решив заниматься только лит-рой.

Писать Ч. начал еще в ун-те, публиковал свои первые рассказы в факультетской стенгазете. Работая в а/я, он стал победителем